

Иван Кривушин

Рец. на: А.В. Лукин, О.В. Пузанова. «И в Японии жатва многа...». Эволюция мировоззрения святителя Николая Японского и межкультурное взаимодействие России, Японии и Запада. М.: Весь мир, 2021. 368 с.

*Ivan Krivushin
(HSE University, Moscow, Russia)*

Rec. ad op.: A.V. Lukin, O.V. Puzanova. «I v Yaponii zhatva mnoga...». Evolyutsiya mirovozzreniya svyatitelya Nikolaya Yaponskogo i mezhsivilizatsionnoe vzaimodeistvie Rossii, Yaponii i Zapada. Moscow, 2021

DOI: 10.31857/S2949124X2304017X, EDN: HPLYPG

Ведущий отечественный китаевед, историк и международник А.В. Лукин и специалист по Японии и российско-японским отношениям О.В. Пузанова посвятили свою книгу весьма колоритной фигуре святителя Николая (Касаткина) — основателя Русской духовной миссии в Японии, а затем и Японской Православной Церкви, первым предстоятелем которой он являлся в 1880–1912 гг.

Историки уже освещали его взгляды и деятельность, опираясь на отчёты, письма и статьи¹, а в 2004 г. японский исследователь К. Накамура обнаружил и опубликовал «Дневники» знаменитого миссионера², которые

позволили пересмотреть ряд прежних оценок, раскрыв его мысли и настроения, не выражавшиеся им ни в публичных выступлениях, ни в переписке. Теперь уже эти записи стали незаменимым материалом для всех, кто так или иначе обращается к судьбе их автора.

Поэтому неудивительно, что Лукин и Пузанова постоянно полемизируют со своими предшественниками (Э. Саблиной, К. Накамурой, М. Кониси и др.) и заявляют во введении, что ими «на основании новых источников и данных, с использованием новых для рассматриваемой темы методов исследования полностью пере-

осмысляется подход к деятельности о. Николая, сложившийся в существующей литературе» (с. 9). Естественно, это было бы невозможно без тщательного изучения отечественного и зарубежного «николаеведения». Правда, историография при этом представлена всё же не всегда равномерно. Так, в ней почему-то лишь один раз упомянута монография Р.А. Савчука³, также опиравшегося преимущественно на дневники святителя. Как при этом соотносятся оценки и выводы учёных, не говорится вовсе⁴.

Следует отметить, что Лукин и Пузанов не пытаются создать новую биографию «православного крестителя Японии», не дают систематического описания его миссионерского или церковно-организаторского служения. Они анализируют эволюцию его мировоззрения, выделяя в ней три этапа: «умеренно-западнический» (1870-е гг.), «оптимистический» (1880–1890-е гг.) и «пессимистический» (начало XX в.). Эти периоды сменялись без резких «коренных поворотов», которые можно было бы точно датировать. Но, как убедительно показывают авторы, о. Николай, в конце 1870-х гг. серьёзно рассчитывавший превратить православие в государственную религию Японии, в конце своего служения пережил тяжёлые разочарования. Ему пришлось признать, что «Россия — бедна, пассивна» и «спит на своём бесценном православии», будучи «сама подвержена тлетворному влиянию неправославных учений», а Япония «заражена погоней за иностранными деньгами и не заинтересована в истинной духовности» (с. 185). Впрочем, его позиция зачастую оставалась сложной и противоречивой. Так, авторы указывают на «различия между оценками в официальных заявлениях и дневниковых записях относительно перспектив протестантизма и православия в Японии». При этом, по их

мнению, равноапостольный Николай не хотел «кого-то обмануть или что-то скрыть. Скорее, в нём боролись две тенденции: с одной стороны, оптимизм истинного христианина, верующего в то, что благодаря промыслу всеблагого Бога истина в конечном счёте, пусть даже чудесным путём, восторжествует, а с другой — реализм миссионера-практика и знатока японского общества» (с. 232–233).

Бесспорное достоинство исследования Лукина и Пузановой состоит в том, что мировоззрение свт. Николая Японского рассматривается ими в самых разных контекстах — не только на фоне социально-экономических, политических и идеологических перемен, происходивших в Японии и в России во второй половине XIX — начале XX в., но и через призму развития христианского миссионерства в Восточной Азии и особенностей православной традиции (как византийской, так и российской) в целом, будь то выстраивание взаимоотношений Церкви и государства, определение статуса автокефальных и поместных церквей, способы проповеди и пределы индигенизации («отуземливания») вероучения и богослужения и т.п. На фоне этих событий, процессов, традиций и экспериментов сам святитель иногда даже словно ступёвывывается (особенно в 5-й главе).

В книге показаны идейные и личные связи «отца Японской Православной Церкви» с представителями церковной элиты Российской империи. Очерчивая их, авторы констатируют, что, будучи приверженцем традиционных ценностей, он с годами высказывал всё более консервативные (и даже «реакционные») суждения. По словам Лукина и Пузановой, «распространение секулярных, атеистических, социалистических и анархистских идей для епископа Николая были частью одного процесса, который, как он начал

замечать с конца XIX в., происходил как в Японии, так и в России — процесса негативного влияния Запада» (с. 150). Поэтому владыка «всё более симпатизировал консервативным силам, выступавшим против либеральных реформ и секуляризма, западного влияния на российское общество, за сохранение религиозных основ общественной жизни и самодержавное правление, хотя ранее... не был чужд западничеству и позитивно оценивал влияние, например, западных христианских конфессий и западной науки на японское общество. Этот поворот был обусловлен не только его православной верой... но и изменением его общего подхода к происходящему в России» (с. 167–168). В конце XIX — начале XX в. «для него политическая борьба с правительством и широкое распространение различных неортодоксальных религиозных сект были частью одного явления: попыткой антиправославных и антироссийских сил расшатать основы самодержавия и православной веры как фундамента духовной силы России» (с. 168). Среди главных «врагов Отечества» он особо выделял либералов, «которые... в союзе с западными протестантами, сектантами и прочими отступниками от истинного христианства расшатывают духовные основы российской государственности и ослабляют страну» (с. 170). В «Дневнике» он весьма резко характеризовал положение России: «Нечистые насекомые облегли это огромное тело и сосут из него кровь — как Лев Толстой и вся эта вонючая, как клопы, интеллигенция, лакействующая пред Западом. Помоги сбросить эту нечисть» (с. 171). Не были чужды ему и радикальные антисемитские предрассудки (с. 182). Так, в письме к епископу Вологодскому и Тотемскому Никону (Рождественскому) он «сравнивал евреев с насекомыми или болезнями, которые часто одолевают

молодой организм, каковым он считал русский народ» (с. 182).

В целом, авторам удалось проследить, как существование одновременно в российском и японском культурных пространствах отражалось на взглядах архиерея и усиливало его пессимизм: отсутствие явных (и главное, ожидавшихся ранее) успехов в проповеди христианства среди японцев обостряло критическое восприятие ситуации в России, а оно, в свою очередь, порождало и углубляло сомнения в возможности торжества православия в Японии. Поэтому едва ли справедливо утверждение авторов, будто свт. Николай «как миссионер видел себя прежде всего представителем православия, а не России, и даже считал привязанность к Родине некоторым искушением, мешавшим осуществлению православного дела в Японии» (с. 250). Всё же православие всегда оставалось для него прежде всего российским, и он действовал как его носитель и «посланник».

В четвёртой главе подробно анализируется отношение «крестителя Японии» к возможности адаптации православной догматики и обрядов для местного населения. Как пишут авторы, свт. Николай понимал, что «другие направления христианства гораздо более гибки и способны на более глубокую индигенизацию, чтобы получить более широкое распространение» (с. 163), но, со своей стороны, даже в 1904–1905 гг. он соглашался лишь на «тактическую индигенизацию», поскольку «никак не мог пойти на принятие позиции, противоречащей православной доктрине, например, на одобрение войны как таковой, принятие идеи самоубийства или в целом на признание приоритета государственных целей над церковными» (с. 161).

Весьма неоднозначно оценивал святитель и целесообразность предоставления полной самостоятельно-

сти Японской Церкви. Развивая идеи Д.М. Позднеева, авторы книги оспаривают распространённое мнение, согласно которому «о. Николай с самого начала стремился создать некую независимую (автокефальную) Японскую православную церковь, не являющуюся частью Русской православной церкви» (с. 10), так как оно «серьёзно упрощает реальную ситуацию» (с. 251). В годы русско-японской войны соответствующие публичные заявления являлись лишь уловкой, призванной ослабить давление на православную общину. В предшествующий период, судя по «Дневникам», владыка добивался только финансовой самостоятельности своей епархии (с. 240).

Такая позиция святителя, по мнению авторов, объяснялась, в частности, его убеждением в неготовности православных японцев к управлению своей церковной общиной. Даже те из них, кто получил образование в российских духовных академиях, порою казались ему «болванами и негодяями». Епископ полагал, что за их требованиями сделать Японскую Церковь самостоятельной скрывалось прежде всего желание получить контроль над финансовыми средствами местной русской миссии. В передаче руководства кафедрой в руки самих японцев он видел прямой путь к деградации и расколу. Похоже, у него не было ответа на вопрос: «Когда же это в Японской Церкви воспитаются люди, на которых можно будет оставить управление Японской Православной Церковью без опасения, что оно сползёт тотчас на протестантизм?» (с. 309).

В последней (пятой) главе рассматривается влияние на святителя и его паству религиозно-нравственного учения гр. Л.Н. Толстого. Авторы отмечают, что его популярность «среди некоторых японских православных не стала дополнительным фактором эволюции идей святителя Николая»

(с. 321), считавшего толстовство «видом радикального протестантизма» или особой «российской христианской сектой» (с. 252). Соответственно, «линию, которую олицетворяло учение Толстого в России, и современные тенденции духовного развития в Японии епископ Николай понимал как явления одного порядка, звенья одной цепи, подрывавшие основы верного духовного развития обоих обществ в сторону истинной православной духовности» (с. 272). Вместе с тем влияние толстовства способствовало углублению «пессимистических настроений святителя Николая в отношении перспектив православия в Японии и мире в целом» (с. 291–292).

При всех своих несомненных достоинствах книга Лукина и Пузановой не лишена и некоторых недостатков. В ней встречаются спорные утверждения. Так, указав на то, что в опубликованной в 1879 г. статье тогда ещё архимандрита Николая «Япония и Россия», буддизм характеризуется как «самая глубокая из языческих религий», а конфуцианство — как «высшая из языческих нравственных философий», авторы делают вывод о происходившей будто бы тогда «переоценке... роли традиционных или ранее заимствованных учений» (с. 113). Однако далее приводятся цитаты из сочинений о. Николая, свидетельствующие о том, что в то же время он называл буддизм «тьмой» (с. 116) и «вонью мертвеца здесь, вороватого некоторыми жуками кавказской породы» (с. 118), а синтоизм — «мёртвой лягушкой», «засохшей» верой и «болтовнёй» (с. 117). Эти высказывания совсем не вяжутся с какой-либо «позитивной оценкой дохристианских учений» (с. 119).

Можно обнаружить в тексте и досадные ошибки. Например, авторы пишут: «Тем не менее к концу 80-х годов был разработан план реформы самодержавия путём расширения прав уже

существовавшего Государственного совета и создания совещательной “Общей комиссии” с возможным участием представителей от земств» (с. 119–120). Однако, как известно, план этот был сформулирован в январе 1881 г. и уже через несколько месяцев отвергнут, причём он не предусматривал ни «реформы самодержавия», ни изменения полномочий Государственного совета, участие же земских депутатов в работе Общей комиссии предполагалось сделать обязательным, а не «возможным». Не меньшее удивление вызывает и фраза: «В международном плане в 70-е Александр II проводил активный курс. В это время Россия вернулась к политике континентального расширения империи, к ней были присоединены Средняя Азия, Северный Кавказ, Дальний Восток, Бессарабия, Батумская и Карская области» (с. 120). Всё же бо́льшая часть указанных территорий вошла в состав империи в другие десятилетия. Порой почти дословно повторяются одни и те же предложения или сведения (с. 27, 29 и 65–66, 117–118 и 229–230, 162 и 186, 179).

Конечно, все эти недостатки легко устраняются при внимательном редактировании. И они не снижают

значение исследования, проведённого А.В. Лукиным и О.В. Пузановой на высоком научном уровне. Прослеживая эволюцию мировоззрения свт. Николая Японского, авторам удалось показать специфику российского православного миссионерства XIX — начала XX в. и те трудности, с которыми ему приходилось сталкиваться при попытках проникновения в иную социокультурную среду. Именно поэтому эта книга будет интересна весьма широкому кругу читателей — историкам, культурологам, религиоведам, философам и специалистам-международникам.

Примечания

¹ *Саблина Э.Б.* 150 лет Православия в Японии: история Японской Православной Церкви и её основатель Святитель Николай. М.; СПб., 2006.

² *Дневники святого Николая Японского.* В 5 т. / Сост. К. Накамура. Т. 1–5. СПб., 2004.

³ *Савчук Р.А.* Проблемы взаимоотношений Церкви и общества рубежа XIX–XX веков в осмыслении равноапостольного Николая Японского. М., 2018.

⁴ Не учтена в монографии и статья казахских исследователей: *Жумагулов К., Садыкова Р.* The Russian spiritual mission in Japan and the role of Nikolai Kasatkin // Былые годы. 2020. № 57(3).